

УДК 811.161.1'276.2 + 821.16.1 + 37.031 + 008 + 81'271

О. А. Донских

С «ПИПЦОМ» В ГЛОБАЛЬНЫЙ МИР?

Обосновывается позиция, согласно которой, во-первых, необходимо вести серьезную политику в отношении русского языка; во-вторых, система образования должна быть в этом отношении радикально перестроена; в третьих, литература должна осознавать свою ответственность перед русской культурой.

Ключевые слова: русский язык; русская культура XVIII в.; система образования.

Как зачем? читать французские книги. Не русские же читать!
Ха-ха-ха! Кто же русские читает! Нет, брат, нас не обманешь.

A. Н. Островский. Утро молодого человека

Ведь он-то, Африкан-то Савич, с агличином всё пьют. ...Теперь все ему наше русское не мило; ладит одно: хочу жить по-нынешнему, модами заниматься.

A. Н. Островский. Бедность не порок

В 1950-е гг., в годы «холодной войны» и маккартизма, в далекой Австралии в Мельбурнском университете было Русское отделение, которым руководила Нина Михайловна Кристесен. На этом отделении училось больше ста пятидесяти человек. Усилиями той же Нины Михайловны и других энтузиастов русского языка были открыты отделения в других австралийских университетах и даже в Новой Зеландии [см.: Донских, с. 88]. Сейчас на всю Австралию в двух университетах тлеют русские программы, которые ведут два преподавателя — один в Квинсленде, другой — в Мельбурне. И это практически все, если говорить о высшем образовании. Конечно, было бы преувеличением сказать, что интерес падает только к русскому языку: трудности переживаются классические языки (но это понятно, поскольку в наш pragmatический век латынь и древнегреческий из моды вышли окончательно) и языки других стран. Однако существует разница в том, как разные страны на это реагируют: одни (как Великобритания, Франция или Германия) активизируют работу по популяризации своей культуры и соответственно своего языка через такие международные организации, как British Council, Alliances françaises или Гёте-институт, тогда как Россия этим не слишком озабочивается.

Совершенно очевидно, что уровень интереса к языку находится в прямо пропорциональной зависимости от значения страны, где на этом языке говорят. России (СССР) боялись, Россия запустила первый спутник... И если СССР был одной из двух сверхдержав, то соответственно и интерес был весьма значительным.

В настоящее время Россия перешла (во многом благодаря собственным усилиям) в разряд стран догоняющих, развивающихся, отсталых во многих

отношениях. Интерес к ней упал до той степени, что вспоминается Чадаев с его «Чтобы заставить себя заметить, нам пришлось растянуться от Берингова пролива до Одера» [Чадаев, с. 330]. И заметность эта определяется вовсе не языком, а углеводородными ресурсами, которые никакой культурной составляющей не несут.

Вопрос, который возникает в связи с этим, может быть сформулирована следующим образом: есть ли у русского языка перспектива оставаться одним из языков международного значения, вернуть себе это значение?

Проблема эта имеет два глубинно связанных между собой аспекта: 1) значение страны, 2) собственное развитие языка как стержня отечественной культуры.

С первым аспектом ситуация относительно понятна: если Россия будет занимать по разным рейтингам (включая уровень университетов) места между Нигерией и Угандой, то и интерес к русскому языку будет примерно такой же, как к языкам эдо, адавама фульфульде или луганда.

Обсудим второй аспект проблемы — внутренние перспективы русского языка в рамках развития отечественной культуры.

Русский язык переживает сейчас мощный наплыв иностранной лексики, и как бы ни было это неприятно пуританам, *промоутер*, *шопер* и *фитнесс* все более уверенно чувствуют себя на отечественной почве. Что же касается лексики, связанной с компьютерами и Интернетом, то здесь русских слов нет по определению.

Явление это не новое, несколько раз за свою историю русский язык переживал активное вторжение иностранной лексики и в конце концов преображал ее в свою собственную. Действительно, привычная *контора* (из нем.) не менее иностранное слово, чем почти привычный *офис* (из англ.). И вполне можно предположить, что слово *девелопер* для следующих поколений станет таким же родным, как *зонтик*. Иначе говоря, сам по себе наплыв иностранных слов не является препятствием для развития языка, более того, он может способствовать его обогащению, внося новые смыслы и вынуждая осваивать новые сферы человеческой деятельности. Проблема в другом.

Язык является ключевой частью культуры. Серьезное отношение к нему абсолютно необходимо для того, чтобы он нормально развивался. Возьмем в качестве примера восемнадцатый век. Так, параллельно растущему влиянию иностранцев и необходимости для дворян изучения иностранных языков в течение XVIII в. шла активная работа по развитию отечественного языка. В 1735 г. при Академии наук была создана специальная организация для переводчиков — Русская ассамблея, в работе которой принимали участие наиболее выдающиеся литераторы и поэты. В этом же году выходит знаменитый трактат В. К. Тредиаковского «Новый и краткий способ к сложению российских стихов», в котором он указывает, что силлабо-тоническое стихосложение соответствует природе русского языка. Огромную роль в развитии литературного языка сыграл Московский университет. Это и издававшийся М. М. Херасковым журнал «Полезное увеселение», авторами которого были В. И. Майков, И. Ф. Богданович, А. А. Ржевский и др. Большое значение в подготовке переводчиков и распространении русских книг имела деятельность масонов — Н. И. Но-

викова и И. Г. Шварца. При этом «следует учитывать почти повсеместную у авторов XVIII в. просветительскую установку, в соответствии с которой сообщались многочисленные сведения из разных областей, разъяснялись термины и понятия и т. д. Обращения к «любознательному», «охотно» познающему («чтущему») читателю характерны для многих произведений того времени» [Веселитский, с. 9]. Кроме того, литературный язык активно обогащается за счет народного языка. В театре ставятся комедии В. И. Лукина и Б. Е. Ельчанинова (не говоря уже о комедиях Д. И. Фонвизина и В. В. Капниста). В 1769 г. Н. Г. Курганов печатает свой неоднократно переиздававшийся «Письмовник», в который вошли народные поговорки и песни. М. Д. Чулков издает сборники сказок. Наконец, в 1783 г. была создана Академия Российской, целью которой было, как сказала при ее открытии княгиня Е. Р. Дашкова, «...усовершить и возвеличить Слово наше...» [Ганичева]. За 11 лет был создан первый Толковый словарь русского языка со словарником в 43 257 слов. Можно вспомнить огромную работу Н. М. Карамзина. В результате всей этой колоссальной работы над языком русская литература XIX в. становится одной из величайших в мире.

К этому нужно еще добавить одно принципиальное условие, без которого такого прорыва безусловно бы не произошло, — это национальная специфика, которая определилась всей предшествующей культурой, и в первую очередь православием. Ценностные установки великой русской литературы с ее сочувствием «маленькому человеку», ее напряженным правдоискательством, предпочтением сердца разуму, с ее установкой на поиск идеала. («Проблема идеала является ключевой для всей истории русской литературы. Нет ни одного крупного произведения, которое не ставило бы вопросов об идеальном герое, об истине, добре и красоте» [Славина, с. 5].) Это кардинально отличает ее от чисто развлекательной литературы, заставляет серьезно размышлять о жизни.

Если условно уравнять по объему вторжения англоязычной культуры наш век с началом XVIII, то вопрос, каким выйдет русский язык из этой ситуации, остается открытым. Можно, конечно, по аналогии оптимистично рассуждать о том, что подобное уже случалось, литературный язык лишь обогащался и развивался дальше. Следовательно, и в первой половине XXI в. произойдет то же самое.

Однако есть несколько «но», которые заставляют отнести к ситуации без особого оптимизма.

Во-первых, идет повальное замещение отечественных культурных образцов иностранными. Средства массовой информации играют здесь первенствующую роль. Те ценности, на основе которых строится коммуникация, в большинстве своем не имеют никакого отношения к предшествующей системе ценностей. Известность строится на основе скандалов. Главные новости строятся вокруг трагедий. Реклама лелеет в человеке самые примитивные инстинкты. Естественно, что все это выражается самыми убогими фразами и очень бедным языком.

Образование также вовсе не настраивает людей на позитивное и творческое отношение к родному языку. Начнем с того, что, согласно некоторым исследованиям, мамы в массовом порядке перестали читать малышам книги,

поскольку куда проще посадить их перед телевизором или компьютером и включить мультики. Постоянно снижается уровень владения языком у школьников и студентов, что связано со многими факторами. Это и низкий уровень учебников, и профилизация, благодаря которой у негуманитарных профилей сокращаются часы на русский язык и литературу, и ЕГЭ, подготовка к которому предполагает натаскивание вместо учёбы... Учащиеся фактически перестали читать классику, учить стихи. Свободный доступ к любым текстам и соответствующая возможность пользоваться методом *cut & paste* ведет к тому, что ребята перестают сочинять тексты, а в лучшем случае подбирают подходящие кусочки и соединяют их в некое безличное целое. Эту безличность поощряют учебники. (Так, в одном из учебно-методических пособий весьма значительный текст на полторы страницы указан как «По материалам Интернета» [Сенина, с. 248].) Многочисленные сайты с рефератами, официально зарегистрированные фирмы, за плату пишущие студентам курсовые и дипломы... Все это избавляет не только от денег и излишних усилий, но и от владения русским языком.

Огромной проблемой студентов (я уже не говорю о школьниках) является неумение выделить главную мысль, обобщить прочитанное. Для них характерно чисто ассоциативное, не творческое мышление.

Небрежное отношение к языку льется из любимого народом ящика. Даже дикторы центрального телевидения редко не ошибаются, склоняя числительные.

Наконец, это же отношение к языку можно видеть в том разливанном море матерщины, которая захлестнула практически все слои населения. Если раньше материщающиеся девушки-студентки были редчайшим исключением, то сейчас, проходя по коридору школы или университета, слышишь мат на каждом шагу, и не в споре и ругани, а в обычном разговоре. А во время семинара и сдачи экзамена или зачета из уст молодого поколения периодически выпрыгивают «блины».

На этом фоне расцветает литература, которую было бы справедливо назвать «литературой Содома» — литературой, разрушающей истинные ценности: «Где-нибудь еще сто лет назад срамные фантазии мастурбирующего подростка огласке не предавались, да и сам он, повзрослев, старался бы не вспоминать о них. Но вообразить себе ситуацию, когда эти *эксременты воображения* предаются широкой огласке, считаются творчеством, рекламируются на широких презентациях и награждаются вдобавок литературными премиями...» [Штуден, с. 257]. Очевидно, что искусство, проповедующее садизм и ненависть, принципиально не способно созидать. Подобное искусство к тому же и вторично. Все это есть в западной культуре. Но там оно не ложится на такое неподготовленное сообщество. И в этом огромное отличие от того, что происходило два с половиной века назад.

Итак, с одной стороны — массовая утрата творческого отношения к языку, а с другой — использование языка для создания искусства, вместо ценностей добра, истины и красоты несущего ценности зла, лжи и безобразия.

Это падение культуры и описывается корявым языком выпускницы нашей школы в ее ЕГЭшном эссе на тему «Высшая задача таланта — своими произведениями дать людям смысл и цену жизни» (с сохранением орфографии оригина-

нала): «Талант рожден в каждом человеке, только не все его развиваются. Раньше, когда жили наши бабушки, прабабушки и т. д., они все были талантливыми людьми. Они просыпались с песней и засыпали под ее пение. Раньше жизнь была другая. А сейчас все поют под фонограмму и больше ничего не умеют, за то считают себя звездами, даже смысла текста нет». Устами далеко не младенца глаголет истина. И не в песнях, конечно, дело, а в общем подходе и в констатации действительного убогого положения дел.

И если, блин, отношение к русскому, блин, к родному языку будет, блин, таким же, то настанет ему пипец и в международном плане.

Веселитский В. В. Отвлеченная лексика в русском литературном языке XVIII – начала XIX в. М., 1972. 318 с. [Veselitskij V. V. Otvlechennaya leksika v russkom literaturnom yazyke XVIII – nachala XIX v. M., 1972. 318 s].

Ганичева М. Екатерина Романовна Дашкова. Женские образы России [Электронный ресурс]. URL: <http://www.voskres.ru/school/ganitsheva.htm> (дата обращения: 25.11.12). [Ganicheva M. Ekaterina Romanovna Dashkova. Zhenskie obrazy Rossii [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.voskres.ru/school/ganitsheva.htm>].

Донских О. А. Остров Элтам, или Одна счастливая русская жизнь. Новосибирск, 2006. 288 с. [Donskikh O. A. Ostrov Eltam, ili Odna schastlivaya russkaya zhizn'. Novosibirsk, 2006. 288 s.].

Сенина Н. А. Русский язык. Подготовка к ЕГЭ-2012. Ростов н/Д, 2011. 524 с. [Senina N. A. Russkij yazyk. Podgotovka k EGE-2012. Rostov n/D, 2011. 524 s.].

Славина В. А. Проблема идеала в русской литературе, критике, публицистике первой половины XX века : дис. ... докт. филол. наук. М., 2010. 328 с. [Slavina V. A. Problema ideal'a v russkoj literature, kritike, publitsistike pervojo poloviny XX veka : dis. ... dokt. filol. nauk, 2010. M., 328 s.].

Чаадаев П. Я. Философические письма. Письмо первое // Чаадаев П. Я. Полн. собр. соч. и избр. письма. Т. 1. М., 1991. С. 320–339. [Chaadaev P. YA. Filosoficheskie pis'ma. Pis'mo pervoe // Chaadaev P. YA. Poln. sobr. soch. i izbr. pis'ma. T. 1. M., 1991. S. 320–339].

Штуден Лев. Литература Содома. М., 2012. 261 с. [Shtuden Lev. Literatura Sodoma. M., 2012. 261 s.].

Статья поступила в редакцию 10.12.2012 г.